

Фэн Чэнъянь остановился и повернулся к Цзян Наю.

Цзян Най почесал в затылке:

— Ладно, не буду спрашивать, скоро уже занятия закончатся.

Он был похож на чуткого и капризного кролика, который притворяется, будто ему всё равно, и специально подергивает ушами, чтобы привлечь к себе внимание. Но стоило собеседнику хоть немного затянуть с ответом, как зверек тут же прятался обратно и переставал обращать всякое внимание.

— Я просто не разглядел лестницу, — спокойно объяснил Фэн Чэнъянь. — Лампы на пролете перегорели, я оступился в темноте и подвернул ногу. Рабочим уже поручено всё починить.

Услышав это, Цзян Най сперва замер, а затем мысленно восстановил картину произошедшего.

Упасть на лестнице в темноте — это еще полбеды. Если повезет меньше и полетишь кубарем вниз, последствия могут оказаться куда хуже. Телефон тоже мог не найтись, и позвать на помощь было бы некого.

Ему стало немного не по себе, и в голосе пробились дрожь, которую он сам даже не заметил:

— Свалиться с лестницы — это же так опасно. Хорошо, что отделался всего лишь вывихом.

Шагая рядом, он поинтересовался:

— Почему ты не пошел на лифт? Он сломался?

В отличие от того, что воображал Цзян Най, тот в последнее время вовсе не засиживался допоздна в офисе — он каждую ночь был дома. Конечно же, он не мог позволить, чтобы оба малыша отставали в развитии.

Какая-то женщина на каблуках неосторожно наступила на выбоину на тротуаре, потеряла равновесие и всем телом завалилась прямо на Фэн Чэнъяня. Освещения включать было нельзя, подвернуть ногу посреди ночи и то не решался, чтобы не тревожить домашних. Одна его рука лежала на плече женщины, а та крепко вцепилась пальцами в его запястье: стоило кому-то оттолкнуться сильнее, как расстояние между ними сократилось бы до предела.

Заметив, что попутчица ушла, Цзян Най сам шагнул ближе к Фэн Чэнъяню и спросил:

— Дай-ка взглянуть, ты сильно ушибся?

Цзян Най тоже ускорил шаг.

Вспомни он об этом вовремя, обязательно заставил бы благоверного понести суровое наказание за грешки.

Фэн Чэнъянь опирался правой рукой на трость, а левая непринужденно свисала вдоль тела. Держался он прямо и непринужденно, так что со стороны всё выглядело вполне нормально.

Если бы он действительно пропадавал в офисе сверхурочно, то и травму должен был получить в бизнес-центре.

Мысли были заняты всякой пошлостью, но лицо оставалось абсолютно невозмутимым:

— Компания уже распорядилась провести проверку. Особое внимание уделят потенциальным угрозам безопасности на лестничных пролетах, чтобы избежать несчастных случаев среди сотрудников.

Получив такой ответ, Цзян Най даже растерялся — до чего же тот трудоголик!

Цзян Най стремления проявил молниеносную реакцию: бросился в сторону и подхватил потерявшую равновесие незнакомку.

К счастью, Цзян Най вовремя опомнился и вернулся к главному, заботливо произнеся:

— Не стоит так сильно перерабатывать, береги себя.

Хотя Фань-цзаю с братом не довелось насладиться завистливыми взглядами сверстников, по крайней мере, им не пришлось чувствовать себя одинокими и брошенными.

Цзян Най отпустил ее и успокоил:

— Ничего страшного, просто дорога неровная, будьте осторожнее.

Если бы не потеря памяти, Цзян Най помнил бы, что в обычные дни тот либо ходил как аршин проглотив, либо стоял столбом.

Вспомнив о двоих малышах, он при любой возможности принялся внедрять в голову Фэн Чэнъяня собственную философию воспитания:

— Дети растут очень быстро, сейчас они больше всего привязаны к нам, а через несколько лет родители им будут уже не так сильно нужны. Так что нам обоим нужно дорожить этим

временем и наслаждаться тем, как они растут. Разве не говорят, что счастливое детство исцеляет человека на всю жизнь?

Для ребенка родители, пришедшие первыми к самому входу, — повод для огромной гордости.

Неужели тому есть смысл разыгрывать из себя вечно отсутствующего дома человека?

Фэн Чэнъянь сохранил невозмутимое выражение лица и ответил:

— Поднимаюсь по лестнице ради физической формы.

К счастью, сегодня они пришли вовремя: родители детишек неторопливо двигались к главным воротам, как раз успевая к выходу основной толпы.

Вспомнив, как всё развивалось, он в конце концов решил, что об этом происшествии лучше умолчать.

После пережитого волнения Цзян Най решил больше никуда не спешить. Он велел Фэн Чэнъяню идти ближе к домам, отделяя его от прохожих, и на ходу наставлял:

— Все же давай помедленнее. Знай я, что здесь столько народу, заставил бы тебя ждать в машине.

— Угу.

Ментально раздавив жалкую психологию простого работяги, Цзян Най вместе с Фэн Чэнъянем продолжил путь к воротам.

Правда, жил тот не в главном особняке, а в небольшом гостевом домике неподалеку, откуда через одно из окон как раз была видна комната Цзян Ная.

Какой же законный муж, имеющий на руках официальное свидетельство о браке, станет вести себя словно любовник на стороне?

Жизнь офисного планктона поистине трагична, но даже элементарная проверка безопасности в исполнении Фэн Чэнъяня заставляла думать, что начальником он был ответственным.

Подождите-ка, папа еще покажет вам класс.

То, что произошло минуту назад, можно было считать держанием за руки?

Они же соприкоснулись пальцами, значит, должно считаться.

Впрочем, широкие плечи, узкая талия, длинные ноги, обтянутые брюками строгого костюма — всё выглядело крепким и подтянутым.

— Большое спасибо, что поддержали меня тогда, иначе сегодня моя нога наверняка отправилась бы на повторный прием к врачу.

Матери, отцы, дедушки, бабушки, а также няни и водители — все пришли в движение и хлынули к главным воротам, спеша забрать взлелеянных в парче белоснежных крошек.

Большие железные ворота детского сада распахнулись. Даже с некоторого расстояния Цзян Най видел, как маленькие колобки выстроились аккуратными рядами и двинулись к выходу вслед за поднятой воспитательницей табличкой.

Мало того что ты крупный начальник, пропадающий на работе так, что дома носа не кажешь, так еще и время поездки умудряешься использовать с пользой!

— Ой, простите ради бога, огромное вам спасибо! — женщина выровняла равновесие, прижала руку к груди и принялась наперебой благодарить обоих мужчин.

Наблюдая за этим, Цзян Най мысленно представил очертания мышц под одеждой, отчего его дыхание невольно участилось.

Слушая бормотание юноши у себя под ухом, Фэн Чэнъянь ни капли не раздражался — напротив, он был немного рассеян.

Прислушиваясь к голосу любимого человека и замечая, как его встревоженный взгляд снова падает на травмированную стопу, Фэн Чэнъянь ощущал легкую, ноющую боль в больном месте.

Зная, что папа придет за ними, оба малыша стояли у ворот и во все глаза выискивали в толпе знакомые силуэты.

Сегодня дежурила Юй Хуа. Она как раз стояла рядом с мальчиками, когда заметила, как широко распахиваются их большие глаза, глядящие вокруг с любопытством лесных оленят, и решила поддразнить малышей:

— Кого это вы тут высматриваете?

Чжоу-чжоу очень возбужденно и быстро ответил:

— Ищем папу!

Юй Хуа тут же переспросила:

— А где же папа?

Чжоу-чжоу отрапортовал:

— Самый красивый — это папа!

Фань-фань кивнул:

— Угу.

Голоса прозвучали так звонко, а эмоции были столь радостными, что многие родители вокруг невольно обернулись на близнецов.

Две одинаковые куколки из белого фарфора и без того привлекали всеобщее внимание, а теперь интерес к ним стал еще сильнее.

Окружающие добродушно рассмеялись.

Цзян Най, услышав нежный, но невероятно искренний ответ Чжоу-23456789-цзя, густо покраснел и мгновенно захотел спрятаться обратно в машину.

Но малыши вовсе не разделяли смущения своего папы. Услышав смех вокруг, они тоже заулыбались, прищулив глазки, точь-в-точь как размягшие сладкие рисовые шарики.

Чжоу-цзай обладал самым зорким глазом: заметив в толпе знакомый силуэт, он тут же замахал ручонкой и завопил во весь голос, боясь, что его никто не услышит:

— Папа! Мы здесь!

О? А вот и красивый папа пожаловал.

Многие проследовали за взглядом малыша, желая поглазеть на этого писаного красавца.

Цзян Най через силу потащил Фэн Чэнъяня вперед.

— Учительница Юй, я пришел забрать детей.

С озорным блеском в глазах Юй Хуа подтолкнула малышей к родителям и со смешком произнесла:

— Ребятишки, ваш прекрасный папа прибыл.

— Учительница, до завтра!

Сгорая под совершенно незлобивыми взглядами окружающих, Цзян Най чувствовал, что больше не в силах выносить это испытание, и, схватив двух невинных ангелочков, пустился бежать без оглядки.

Господин Фэн опирался на трость, провожая взглядом удаляющуюся троицу — одного взрослого и двоих малышей.

Рюкзачки за их спинами покачивались из стороны в сторону, прядки волос слегка подпрыгивали, солнце вытягивало тени в длинные полосы, а легкий ветерок доносил звонкий детский смех.

Скрестив руки на груди, Юй Хуа посмотрела на оставшегося на прежнем месте Фэн Чэнъяня:

— Директор Фэн, с каких это пор у вас появилось свободное время, чтобы забирать детей из садика?

— Завтра я тоже приду.

Фэн Чэнъянь зашагал следом за удаляющимися отцом и сыновьями.

Собиравшаяся состригнуть Юй Хуа так и замерла на месте, моргая и совершенно не понимая, что происходит.

Устроившись в салоне автомобиля, Цзян Най принялся поить детей водой.

Водитель бросил взгляд наружу и озадачено произнес:

— А где господин Фэн?

Цзян Най замер с бутылочкой в руках, а Фань-фань широко распахнул глаза и с любопытством уставился на папу:

— Почему отец еще не догнал нас?

Чжоу-чжоу прильнул к оконному стеклу и высунулся наружу почти наполовину, застряв на нем своим пузатым животиком, так что Цзян Наю пришлось срочно втаскивать его обратно.

Шлепнув сына по мягкому месту, он отчитал его:

— Опасно! Запрещаю высовываться из окна.

Чжоу-чжоу показал ему язычок, бросился отцу на грудь и принялся ластиться, липнучно приговаривая:

— Отец сзади, я видел.

И действительно, следом за ними подоспел и сам родитель.

Детское автокресло занимало большую часть заднего сиденья, оставшегося пространства едва хватало Цзян Наю, да и то оставалось лишь крошечное местечко для бутылочки с водой.

Бросить хромого мужа и сбежать с двумя детьми было неудобно, и Цзян Най виновато улыбнулся, извиняясь за заминку.

Фэн Чэнъянь окинул взглядом наглухо забитое заднее сиденье, сложил трость и устроился на пассажирском месте спереди.

Заметив странноватую походку отца, Фань-фань обеспокоенно спросил:

— Отец, что у тебя с ногой?

Похоже, хоть кто-то из малышей о нем беспокоится, и сердце старого отца тут же растаяло.

— Упал. Не больно, через пару дней пройдет.

— Упасть — это больно, — со всей серьезностью поправил отца Фань-фань, нахмутив брови. — Как же ты так упал? Тоже неуклюже, как Чжоу-чжоу?

Через зеркало заднего вида Фэн Чэнъянь увидел жующего печенье-цзаохуа Чжоу-цзая, который извазюкался в крошках с ног до головы, а рот перепачкал чем-то темным.

Что за неряшливая манера есть! Старый отец мысленно поморщился от отвращения.

А затем заметил, как тот изо всех сил вытягивает шею, пытаясь заглянуть вперед.

Впрочем, ладно, раз уж его родил Найнай...

Пошел в своего второго папу — лицом вышел красивым, так что даже перемазанный едой выглядит не слишком отталкивающе.

Обернувшись, он строго наказал:

— Чжоу-чжоу, сиди смирно и не налегай на сладости.

— Угу.

Детский мир был прост, но полон ярких красок. Малыши наперебой принимались рассказывать родителям о забавных происшествиях, случившихся сегодня в саду.

Учительница Хуахуа учила их считать яйца, и Фань-фань справился быстрее всех. Чжоу-чжоу пересказал остальным ребятам сказку, которую папа рассказывал накануне, и за это получил наклейку с прекрасной феей. Маленькая красавица была самой младшей девочкой в группе, сегодня она заплела красивый розовый бант, и все от нее были без ума.

Еще утром по дороге в сад Юань-юань поделился с ними печеньем, которое испекла его мама — очень вкусным, но всё равно не таким чудесным, как стряпня папы.

— Завтра я угощу Юань-юаня нашими цветочными пряниками, — торжественно объявил Чжоу-чжоу, размахивая надкусанным пополам печеньем.

Фань-фань достал свой рюкзачок, извлек оттуда маленькую цветастую жестяную коробочку и протянул папе:

— Оставшееся печенье — папе.

— Кхм.

Фань-фань слегка потряс коробочку, изнутри донесся глухой стук, после чего он забрал ее обратно и поставил перед собой.

Приоткрыв крышку и пересчитав содержимое, он обнаружил внутри еще шесть штук.

Он снова протянул коробочку Цзян Наю:

— Осталось шесть печений: два отцу, четыре папе.

И, не дожидаясь вопросов, пояснил:

— Папа готовил цзаохуа, это очень тяжелый труд, поэтому ему на два больше.

— Ха-ха-ха-ха!

Цзян Най расхохотался — подумать только, какой дипломат растет в столь юном возрасте!

— Раз папа считает это справедливым, значит, отцу достанутся две штуки.

Цзян Най передал коробочку на переднее сиденье, жестом побуждая Фэн Чэнъяня забрать угощение.

Увидев, что тот не шевелится, Цзян Най слегка потряхнул коробку:

— Это от чистого сердца малышей.

Печенье было вылеплено в форме медвежат и размером с фалангу пальца. Фэн Чэнъянь небрежно вытащил две штуки и закинул в рот.

Детское лакомство оказалось легким и пресным, без особого вкуса.

— Мм, очень вкусно.

Забрав коробочку обратно и съедя пару штучек сам, Цзян Най указал на оставшееся и сказал:

— В благодарность за то, что не забыли угостить папу печеньем, эти две штуки остаются Фань-фаню и Чжоу-чжоу.

— Ура!

Это же награда от самого папы! Сжимающие в ладошках последние печенья дети были безумно счастливы.

На ужин подали слепленные с утра пельмени и густой рисовый суп с креветками и зеленым горошком.

Господин Фэн снова уселся в инвалидное кресло, а детишки обступили его со всех сторон, наперебой выражая свою заботу, после чего провели ритуал магического исцеления.

Совершив серию сложных пассов руками, Чжоу-чжоу шлепнул ладонью по макушке старого отца и объявил процедуру завершенной.

Лицо Фэн Чэнъяня потемнело. Поняв, что дело пахнет керосином, Цзян Най тут же поспешил увести творивших добро из лучших побуждений детей мыть руки.

<http://bllate.org/book/22066/2294552>